

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЯ

МИР ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОМ ОСВЕЩЕНИИ

*Сборник научных статей
к 75-летию со дня рождения
профессора Э. Д. Фролова*

Под редакцией профессора А. Ю. Дворниченко



ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

Правовое и литературное наследие Аппия Клавдия Цека

Аппий Клавдий Цек — яркая и противоречивая фигура в общественно-политической жизни раннереспубликанского Рима. Его главным качеством было служение *res publica*. Оно проявилось не только в участии в управлении государством, но также и в сфере культуры и носило при этом практический характер. Несмотря на явно недостаточную источниковую базу, мы все же можем со всей определенностью говорить о его вкладе в развитие римского права и литературы.

АППИЙ КЛАВДИЙ ЦЕК И РАЗВИТИЕ РИМСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Юриспруденция древнего Рима своими корнями уходит в ранне-республиканскую эпоху. Деятельность юристов этого периода высоко оценивается в современной романистике. Испанский исследователь Я. Парицио видит их заслугу в том, что они основали *ius civile*¹. К их числу относят и Аппия Клавдия Цека. Однако его причастность к развитию правовой мысли древнего Рима, как правило, лишь констатируется². Исследователи ссылаются на известное место Помпония, который, перечисляя тех, кто занимался этой наукой в течение первых трех веков республики и пользовался «величайшим уважением со стороны римского народа», включает в их число также и знаменитого своей цензурской деятельностью Аппия Клавдия Цека (*Dig.* I, 2, 2, 36. Здесь и далее пер. с лат. Л. Л. Кофанова

¹ *Parizio J. Sobre el «De usurpationibus» de Appio Claudio // SDHI. 2004/LX. P. 629.*

² См., например: *Siebert W. Über Appius Claudius Caecus mit besonderer Berücksichtigung seiner Censur und der des Fabius und Decius. Kassel? 1863. Mommsen Th. Die patrizischen Claudier // Römische Forschungen. Bd. I. Berlin, 1864. Ferenczy E. From the patrician state to the patricio-plebeian state. Budapest, 1976.* Нам известны лишь две работы, в которых этот вопрос стал предметом более пристального внимания, но обе они посвящены вопросу написания Аппием Клавдием специального юридического трактата. Нам импонирует позиция Ф. Мюнцера, который очень осторожно, со ссылкой на Помпония, говорит о том, что Аппий Клавдий мог быть первым юридическим писателем Рима (*Münzer F. Ap. Claudius Caecus // RE. Bd. 3. Stuttgart, 1889. Sp. 2685).*

и И. С. Перетерского). Уже сам факт включения Аппия Клавдия в один ряд с известнейшими юристами республики весьма примечателен и говорит о многом. Помпоний также утверждает, что Аппий Клавдий обладал огромными знаниями — *maximam scientiam* — (Ibid.). Очевидно, судя по контексту Помпония³, имеются в виду знания в области права.

Какими же возможностями обладал Аппий Клавдий, которые позволили ему так неожиданно ярко, для столь раннего периода римской истории, проявить себя в области юриспруденции? В первую очередь, следует учитывать его знатное происхождение. Аппий Клавдий принадлежал к старейшему и знатнейшему патрицианскому роду, представители которого на протяжении двух столетий играли особую роль в политической и общественной жизни римской общины. Над родом довлела память как о роде пришлом и отсюда, видимо, их столь явственное желание укрепить свои позиции вполне определенной родовой политикой. Особенно ярко она проявилась в политической карьере Аппия Клавдия Цека. Несомненно, он был подготовлен к этой деятельности. В. Зиберт считает, что он мог получить образование подобное тому, которое обычно получала римская молодежь в его время⁴. Высоко оцениваемое уже в древности красноречие Аппия Клавдия, его опусы в области поэзии, наконец, удачные лингвистические эксперименты подтверждают предположение о высокой образованности Аппия Клавдия. Некоторые исследователи считают его мудрость сопоставимой с пифагорейской и отмечают его причастность к греческой культуре и образованию⁵. Тит Ливий, несмотря на свое явное недоброжелательство к Аппию Клавдию, признает его незаурядность и способности. У него есть примечательная фраза, приписываемая им консулу Волумнию, по поводу кандидатур претендентов на консульских выборах 295 г. до н. э.: «... кто ловок и смышлен в законах и красноречии, вроде Аппия Клавдия, тех надо избирать преторами для отправления правосудия, чтобы они начальствовали в Городе и на форуме» (X, 23, 7). И раньше, в пассаже о выборах консулов на 306 г., Ливий обращает внимание на эти достоинства Аппия Клавдия: «... он, сделавшись консулом, остался в Риме, чтобы искусным

³Ср.: *Paritio J.* Op. cit. P. 629.

⁴*Siebert W.* Op. cit. S. 105.

⁵*Leo F.* Geschichte der römischen Literatur. Bd. I. Die archaische Literatur. Berlin., 1913. S. 42.

ведением внутренних дел увеличить свое влияние, раз уж военная слава все равно доставалась другим» (IX, 42, 4). Достопримечательным, считает Т. Моммзен, также тот факт, что он пошел по стопам своего предка, децемвира Аппия Клавдия⁶. Вполне допустимо, что генетическая наследственность так же, как и сама родовая память о знаменитом децемвире, сыграли определенную роль в юридических наклонностях Слепца. Исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что законодательная основа его деятельности всегда очевидна, и он действовал в рамках границ, допускаемых конституцией⁷. Некоторые из магистратур, исполненных Аппием Клавдием, непосредственно были связаны с правовой деятельностью. Он мог заниматься этим, исполняя консульскую должность (307 и 296 гг.), претуру (297 и 295 гг.) и эдилитет (316 и 314 гг.), поскольку тот же Помпоний утверждает, что «из всех (магистратов) только десять плебейских трибунов, два консула, восемнадцать преторов и шесть эдилов вершили право в государстве» (I, 2, 2, 34). Не вошедшая в это число цензорская магистратура, также имела отношение, особенно в случае с Аппием Клавдием, к римскому публичному праву, так как обязанности цензоров предполагали соблюдение определенных юридических установлений. Хорошо известны, благодаря Ливию (IX, 33, 3–9; 34, 1–26), дебаты по поводу *lex Aemilia* в цензорство Аппия Клавдия. Несомненно, обращает на себя внимание факт неповиновения Аппия Клавдия действующему закону, но в то же время нельзя отказать ему в попытке защитить свою позицию: по его словам, закон Эмилия «его и всех тех, кто были избраны цензорами после издания этого закона, обязать ни к чему не мог»⁸. Фр. Герлах считает, если Аппий Клавдий и преступал рамки дозволенного, то делал это не ради собственных интересов, а ради своего сословия и отечества⁹. В историографии нового и новейшего времени также обсуждался вопрос о том, насколько следовал Аппий Клавдий *lex Ovinia* при проведении *lectio senatus*¹⁰. Таким образом, исполнение Аппием Клавдием цензорской должно-

⁶ *Mommsen Th.* Op. cit. S. 304.

⁷ *Siebert W.* Op. cit. S. 20.

⁸ Этот эпизод подробно рассмотрен Я. В. Мельничуком в статье «Законодательное оформление института цензуры» // *Древнее право.* 2001 (8). С. 63–64.

⁹ *Gerlach Fr.* Die Censur des Appius Claudius Caecus // *Gerlach Fr.* Der griechischer Einfluss in Rom im 5. Jahrhundert der Stadt. Basel. 1872. S. 43.

¹⁰ Подробнее см. нашу работу: *Зарубежная и отечественная историография об Аппии Клавдии Цеке* // *Мнемон.* Вып. 4. СПб., 2005.

сти было непосредственно связано с правовой практикой римлян в области публичного права и следует предполагать как знание им сложившихся к этому времени правовых установлений, так и владение ими.

В антиковедческой литературе и романистике ставился также вопрос о возможном вхождении Аппия Клавдия в понтификальную коллегию¹¹. В богатом послужном списке Аппия отсутствует должность понтифика, но исполнение понтификата, как правило, не указывалось в *cursus honorum*. Вместе с тем, видеть Аппия Клавдия в этой коллегии было бы весьма соблазнительно, поскольку это обстоятельство могло бы снять многие проблемы в вопросе юридической деятельности Аппия Клавдия. Понтификам, как известно, традиционно отводится роль знатоков права в раннереспубликанском Риме. Л. Л. Кофанов считает, что понтифики в своей юридической деятельности были хранителями, в лучшем случае, толкователями писаных законов и исковых формул¹². А. Боттильери, анализируя сотрудничество Аппия Клавдия с Гнем Флавием в вопросе публикации процессуальных формул, приходит к выводу, что доступ к понтификальному праву Аппий Клавдий мог иметь, только будучи членом понтификальной коллегии¹³.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, занимаясь политической и общественной деятельностью, Аппий Клавдий постоянно сталкивался с правовой практикой и, следовательно, имел определенный опыт в этой области. Иначе и не могло быть, поскольку римское право к этому времени уже ушло далеко от правового обычая и заняло вполне определенную нишу в общественно-политической жизни Рима. Однако подчеркнем, что здесь речь идет, преимущественно, о практике в области публичного права.

В немалой степени деятельности Аппия Клавдия в этой сфере общественно-политической жизни способствовали, возможно, его личные качества. Для Цицерона, как это следует из его трудов, особенно притягателен этот образ уверенного в себе, высокообразованного и организованного человека. В диалоге «О старости» он дает ему следующую характеристику: «... дух у него был напря-

¹¹ См., например: *Bottiglieri A. I giuristi arcaici: Appius Claudius C. f. Caecus* // Древнее право. 2 (7). М., 2000.

¹² *Кофанов Л. Л. Коллегия авгуров // Жреческие коллегии в раннем Риме. М., 2001. С. 99.*

¹³ *Bottiglieri A. Op. cit. С. 72.*

жен как лук ... он сохранял среди своих близких не только авторитет, но и власть: его боялись рабы, почитали свободные люди, любили все; в его доме были в почете нравы и дисциплина, полученные от предков (37. Пер. с лат. В. О. Горенштейна). Учитывая профессиональную практику Цицерона и отмечая его уважительное отношение к Аппию Клавдию, невольно обращаешь внимание на весьма примечательные параллели, проводимые Цицероном между цензорской деятельностью своего героя и вершиением нравственного суда: «... боюсь, как бы ... не начал его обвинять со свойственной ему цензорской строгостью» (Cael. XV, 35. Пер. с лат. В. О. Горенштейна). То есть, Цицерон, видимо, имел в виду тот факт, что цензорская деятельность очень тесно была связана с нарождавшейся тогда *сига тогум* цензоров, которая и предполагала нравственный суд. Естественно, эта обязанность цензоров никоим образом не заменяла административный суд, но исполнение этой функции формировало вполне определенные качества человека и, прежде всего, убеждение в том, что он имеет право решать судьбу человека, хотя бы и с точки зрения соответствия его поведения определенным нравственным нормам, установленным в обществе.

Завершая рассуждения на эту тему, подчеркнем, что фигура Аппия Клавдия вполне могла стать достойной кандидатурой на место первого юриста древнего Рима. И все же вопрос о том, насколько Аппий Клавдий был подготовлен к профессиональной юридической деятельности и правы ли те исследователи, которые называют его первым римским юристом, отнимая, тем самым, пальму первенства у Корункания, остается открытым.

В поисках ответа на этот вопрос наиболее надежной для нас представляется информация Помпония. Примечательно само название титула, в котором помещен «Энхиридий» Помпония — «О происхождении права и всех магистратов и о преемственности мудрецов». В нем отсутствует понятие «юрист» так же, как в самом тексте. Следовательно, если наш персонаж попал в этот титул, то, скорее всего, потому, что действительно обладал общими познаниями и богатым человеческим опытом. Обращает на себя внимание структура титула, в которой он излагает краткую историю развития римского права в период Ранней республики. Помпоний начинает с вопроса о начальном этапе развития права, затем говорит о римских магистратурах, в том числе, и о тех, которые были

связаны с правовой деятельностью. Наконец, следует нужный нам раздел, который улавливается и в самом названии титула — о преемственности мудрецов. В нем Помпоний различает тех, кто занимался преподаванием «науки гражданского права» и тех, чьи заслуги в развитии римского права были связаны с осмыслением опыта древних и передачи его потомкам (Dig. I, 2, 2, 36). Публичное преподавание права начинается, согласно Помпонию, с Тиберия Корункания. До него были те, которые «думали держать гражданское право в тайне и скорее стремились избавиться от советующих, чем учиться у желающих этого» (Ibid. 35). Здесь явно подразумеваются члены понтификальной коллегии, но дальше, думается, перечисляются имена тех, кто стремился сделать право доступным народу путем распространения правовых знаний и их секуляризации. Для периода Ранней республики им упомянуты только три человека — «мудрый Публий Папирий», децемвир Аппий Клавдий, принимавший «величайшее участие в написании XII таблиц» и третьим из названных является Аппий Клавдий, вписанный в этот контекст с необычным и не закрепившимся в традиции когноменом «Сторукий» (Centemmanus). Таким образом, на наш взгляд, Помпоний, помещая Аппия Клавдия в этот ряд «мудрецов», отводит ему роль посредника в передаче правового опыта. Вместе с тем, бросается в глаза тот факт, что Помпоний дважды в этом пассаже говорит об Аппии Клавдии в расширенном контексте, связывая только его имя с конкретными шагами в развитии римского права. В первом случае, когда речь идет об истории появления *ius Flavianum*¹⁴, во втором — о приписываемом Аппию Клавдию юридического сочинения «De usurpationibus»¹⁵. На взаимосвязь этих

¹⁴Dig. I, 2, 2, 7: «Postea cum Appius Claudius proposuisset et ad formam redegisset has actiones, Gnaeus Flavius scriba eius libertini filius subreptum librum populo tradidit, et adeo gratum fuit id munus populo, ut tribunus plebis fieret et senator et aedilis curulis. Hic liber, qui actiones continet, appellatur ius civile Flavianum, sicut ille ius civile Papirianum: nam nec Gnaeus Flavius de suo quicquam adiecit libro» (Потом, когда Аппий Клавдий составил эти иски и выразил их в (определенной) форме, писец Гней Флавий, сын вольноотпущенника, передал народу похищенную книгу, и этот дар был до того приятен народу, что он (Флавий) был сделан трибуном и сенатором и курульным эдилом. Эта книга, которая содержит иски, называется Флавиевым гражданским правом, подобно указанному выше Папирию гражданскому праву, ибо Гней Флавий ничего от себя не прибавил к книге).

¹⁵Dig. I, 2, 2, 36: «... Post hunc Appius Claudius eiusdem generis maximam scientiam habuit: hic Centemmanus appellatus est ... hunc etiam actiones scrip-

двух параграфов обращает внимание Я. Парицио, подчеркивая, что в любом случае, форма, в которой дошли до нас оба пассажа, создает впечатление, что сборник процессуальных формул, о которых говорится в седьмом параграфе, не был книгой «*De usurpationibus*», или, по крайней мере, не был полностью той же самой работой¹⁶.

Второй вопрос, на который предстоит ответить, это вопрос о том, что представляли собой эти работы, которые объединяет имя одного человека — Аппия Клавдия Цека. Что касается первой из них — *ius civile Flavianum* — то, как само Флавиево право, так и роль Аппия Клавдия в истории его возникновения оценивается весьма высоко, поскольку *ius Flavianum* представляло собой значительный шаг в направлении секуляризации права¹⁷.

Гораздо больше трудностей возникает с другой работой — *liber de usurpationibus*, за которой даже закрепились эпитеты «таинственная», «загадочная»¹⁸. Мнения исследователей разошлись относительно самого факта существования работы. Ф. Лео считал, что упомянутая Помпонием как забытая *liber de usurpationibus*, более чем сомнительна, так как столь ранняя трактовка специальной юридической темы не знает примеров¹⁹. Аналогичную позицию занимает ряд современных исследователей, считающих, что римская юридическая наука не могла начинаться с такой специальной монографии²⁰. Однако еще в XIX в. в пользу существования такой книги высказался Ф. П. Бремер²¹. В исследованиях новейшего вре-

sisse traditum est primum de usurpationibus, qui liber non exstat . . . » (После него (другой) Аппий того же рода обладал огромными знаниями; он был прозван Сторукум . . . Передают, что он написал иски, и прежде всего о прерыве давности . . .).

¹⁶ *Paritio J.* Op. cit. P. 633.

¹⁷ См. например: *D'Ippolito F.* Das ius Flavianum und die lex Ogulnia // ZSS. 102/1985. Из отечественных работ: Кофанов Л.Л. Судьба законов XII таблиц после их издания // Древнее право. 2 (7). М., 2000. С. 22.

¹⁸ *Ippolito d. F.* Op. cit. P. 109; *Paritio J.* Op. cit. P. 632.

¹⁹ *Leo F.* Op. cit. S. 43.

²⁰ К сожалению, работы этих авторов оказались для нас недоступны. О них нам известно только по работе Я. Парицио. В частности, он ссылается на мнение Ф. Шульца, считавшего *liber de usurpationibus* либо чистым вымыслом, либо приписанной Аппию Клавдию появившейся позже работе (*Paritio J.* Op. cit. P. 631).

²¹ Издатель «*Iurisprudentiae Antehadrianae*»: *Iurisprudentiae Antehadrianae*. Ed. F. P. Bremer. P. I. Lipsiae. 1896. S. 3.

мени эта точка зрения поддержана рядом авторов, в частности, Я. Парицио²².

В вопросе о конкретном содержании книги следует идти от термина «*usurpatio*». В широком значении — это пользование, применение, употребление, причем это может относиться и к использованию чего-либо незаконно. Кроме этих значений, имеется еще значение «правила». В контексте вопроса возникновения *ius Flavianum* и политической деятельности Аппия Клавдия можно предположить, что *liber de usurpationibus* была пособием по применению исковых формул. Таким образом, эти два труда следует рассматривать в тесной взаимосвязи. Их появление связано с политической ситуацией, поскольку подрывало господство патрициев, в лице понтификальной коллегии, в области права. Вместе с тем, следует отметить значение этих трудов и в правовой сфере, поскольку способствовало развитию римской юриспруденции в целом.

Резюмируя все выше изложенное, мы должны сказать, что если Аппия Клавдия и нельзя назвать первым римским юристом, то оценить достаточно высоко его роль в становлении римской юриспруденции, связанную, прежде всего, с процессом секуляризации римского права, мы имеем все основания.

ВКЛАД АППИЯ КЛАВДИЯ В РАЗВИТИЕ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Разносторонняя натура Аппия Клавдия проявилась также и в области литературы и орфографии. Традиционно отмечается его вклад в развитие ораторского искусства, прозы и языка. Более чем скудные свидетельства традиции не позволяют составить полное представление об этой стороне его деятельности, но все же весьма существенным и, можно сказать, неожиданным образом дополняют фигуру этого известного государственного мужа.

Достаточно удивительным можно считать уже тот факт, что Аппий Клавдий является первым, названным в традиции по имени, составителем латинских изречений. Они были написаны сатурническим стихом и назывались *saentencia*. О сентенциях Аппия Клавдия позже с одобрением отзывался Панетий. Это первые определенные латинские сентенции, переведенные с греческого языка. Цицерон

²² *Paritio J.* Op. cit. P. 633.

отмечал их родственность подобным литературным произведениям из школы Пифагора и считал, что они отражают глубокое знание жизни: *mihi quidem etiam Appii Caeci Carmen, quod valde Panetius laudat epistula quadam quae est Q. Tiberonem, Pythagoreum videtur* (Сic. Tusc. IV, 4). Б.-Г. Нибур считал сходство между афоризмами Аппия Клавдия и пифагорейскими сентенциями, отмечаемое Панетием, случайным²³. Число сохранившихся сентенций невелико, хотя предполагается, что Аппий Клавдий составил целый сборник изречений. Наиболее известным считается афоризм, дошедший до нас в передаче Саллюстия (Ps.-Sallust. ad Caes. de rep. I, 1, 2):

fabrum esse suae quisque fortunae.

Причем Саллюстий, опираясь на собственный опыт, подчеркивает правоту Аппия в такой жизненной установке: «но опыт учит нас тому, что прав Аппий, говоря в своих стихах...» (Ibid.). Это изречение, полное не столько иносказательности, сколько мудрости поколений, метко характеризует самого Аппия и весь активный характер его деятельности. Помимо этого Аппию Клавдию приписывают изречение, созвучное, по мнению Ф. Лео²⁴, аристотелевской мысли из Никомаховой этики (IX, 11):

*Amicum cum vides, obliviscere miserias;
Amicus²⁵ si es commentus, nec libens aequae.
(Priscian. VIII. p. 792 P.)*

Третья из этих сентенций не вполне увязывается с образом этого выдающегося римлянина, поскольку в жизни ему приходилось отступать от этого принципа поведения:

*... qui animi compotem esse
Ne quid fraudis stuprique ferocia pariat.*

Можно представить себе старого ослепшего мужа, пишет Ф. Лео, как он облакает в сатурническую форму эти изречения, которые ему переводит греческий раб²⁶. В действительности, труд-

²³ Niebuhr B. G. Op. cit. Bd. III. S. 366.

²⁴ Leo F. Op. cit. S. 43.

²⁵ По предположению Б.-Г. Нибура, возможен как вариант чтения "inimicus" (Niebuhr B. G. Op. cit. Bd. III. S. 274). К. П. Полонская и Л. П. Поняева дают однозначно "inimicus" (Сентенции Аппия Клавдия // Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 20–21).

²⁶ Leo F. Op. cit. S. 43. Ковалев С. И. отводит Аппию Клавдию более актив-

но сказать, в каком возрасте мог заниматься составлением изречений Аппий Клавдий, но придти к мысли о составлении такого рода сборника изречений, несомненно, мог только человек, прошедший большой жизненный путь, который вовсе не был усыпан розами. Несомненно и то, что в этом случае он должен был быть знаком с греческой философской мыслью и, в известной степени, находиться под влиянием эллинской культуры²⁷. Наконец, свободное время, которое волей-неволей мог получить Аппий Клавдий, потеряв зрение, также приводит к выводу, что занимался он этим в конце своего жизненного пути. Как бы то ни было, эти изречения, считает Ф. Лео, оказываются одной из старейших римских книг в руках людей²⁸. Нам более состоятельной представляется позиция М. Л. Гаспарова, считавшего, что заслуга Аппия Клавдия заключается в том, что он первый стал собирать и редактировать народные дидактические пословицы в стихах²⁹. Пример Аппия Клавдия доказывает тот факт, что ранняя римская литература развивалась в тесной связи с греческой литературой. На этом этапе, когда греческая литература была не доступна широким слоям населения, развитие римской литературы направлялось сверху³⁰. Аппий Клавдий — один из немногих представителей senatorского сословия, кто занимался литературным творчеством. Для Рима этого периода, как, впрочем, и последующих, римская литература была делом профессионалов-клиентов и дилетантов--аристократов, считает М. Л. Гаспаров³¹.

Аппий Клавдий оставил след в культурной жизни архаического Рима не только познаниями в области поэзии. Помпоний в своем пассаже о нем, добавляет, что Аппий в употреблении таких имен как *Fusius*, *Valesius* ввел употребление буквы R: «... *idem Appius Claudius, qui videtur ab hoc processisse, R litteram invenit, ut pro Valesiis Valerii essent et pro Fusiis Furii*» (Pompon. Dig. I, 2, 2, 36). За-

ную роль, говоря, что он сочинял стихи правоучительного характера (История Рима. Л., 1986. С. 172).

²⁷Э. Ференци считает, что Аппий Клавдий проложил широкий путь эллинской культуре (Ferenczy E. Op. cit. P. 120).

²⁸Leo F. Op. cit.

²⁹Гаспаров М. Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Культура древнего Рима. М., 1983. С. 04.

³⁰Гаспаров М. Л. Введение. Начало римской литературы // Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 6.

³¹Там же. С. 7.

мечание Помпония означает, что Аппий хорошо разбирался в языке. Т. Моммзен оценил это новшество Аппия, как один из шагов на пути возвращения к более изящному и более ясному выговору. Он отмечает при этом возмужавшее влияние греческой цивилизации³². Известно, что в основе латинского алфавита лежит один из западногреческих алфавитов. Е. В. Федорова считает, что невозможно хронологически четко определить момент превращения греческого письма в латинское. Греческие буквы на италийской почве эволюционировали в течение долгого времени³³. В этом процессе постепенно вышла из употребления дзета в связи с тем, что интервокальное «з» стало звучать как «р». Е. В. Федорова полагает, что буква дзета и была упразднена за ненадобностью цензором Аппием Клавдием, так как во второй половине IV в. стали писать *Papirios* вместо прежнего *Papisios*³⁴. С. И. Ковалев рассматривал новшество Аппия как важную реформу орфографии, отразившей изменение самого произношения в живой речи³⁵. И. Л. Маяк считает, что, внеся усовершенствование в латинский алфавит, Аппий Клавдий приблизил его к нуждам латинского языка³⁶. Таким образом, можно говорить об определенном вкладе Аппия Клавдия в эволюцию римского архаического письма.

Но наибольший вклад в достижения римской культуры этого периода Аппий Клавдий внес своей знаменитой речью против заключения мира Пирра. Это была первая речь, которая в письменном виде передавалась из поколения в поколение³⁷. О ней упоминает достаточно широкий круг авторов, не только римских, но и греческих (*Cic. Brut.* 55; *Cael.* 34; *Phil.* I. 11; *Cat. Mai.* 16; *Liv. epit.* XIII; *Val. Max.* VIII, 13, 5; *Suet. Tib.* 2, 1; *Tac. De or.* 18, 21; *Flor.* I, 13, 20; *Auct. De vir. ill.* XXXIV, 10; *Dig.* I, 2, 2, 34; *Justin.* XVIII, 2,

³² Моммзен Т. История Рима. Т. I. СПб., 1994. С. 373.

³³ Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 59.

³⁴ Там же. С. 58. Интересно при этом заметить, что еще один Клавдий, а именно император Клавдий, также занимался усовершенствованием алфавита, попытавшись ввести три новые буквы. Его реформа, не имевшая успеха, заключалась в стремлении приблизить написание к произношению (Федорова Е. В. Указ. соч. С. 58–59). Таким образом, в своей сущности она переключается с нововведением его далекого предка.

³⁵ Ковалев С. И. Указ. соч. С. 172.

³⁶ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 48–49.

³⁷ Ср.: Сидорович О. В. Анналисты и антиквары. Римская историография конца III–I в. до н. э. М., 2005. С. 147.

10; Ovid. *Fast.* VI, 203; Quint. *Inst. or.* II, 16, 7; Appian. *Samn. fr.* X, 1; Plut. *Pyrrh.* 19, 1; Senec. *Epist.* 114; Zonar VIII, 4) Эту речь читал еще Цицерон, поскольку он утверждает, что «... речь самого Аппия дошла до нас» (*Сато.* 16). Это не значит, что речь была опубликована при жизни Аппия. Скорее всего, делает предположение Ф. Лео, потомки цензора хранили набросок речи в семейном архиве³⁸. Цицерон указывает на то, что «эти-то речи, конечно, сохранились, поскольку их как драгоценное воспоминание берегут сами семьи» (*Brut.* 16, 61–62. Пер. с лат. И. П. Стрельниковой). Педантичность римлян в отношении сохранения памяти о деяниях своих предков известна³⁹. О красноречии Аппия Клавдия несколько раз упоминает Ливий: «*eximia eloquentia*» (X, 19), «*eloquentiae consultus*» (X, 22). Аппий Клавдий «являл собой, по античным понятиям, тот образец римского гражданина-аристократа, к которому как нельзя более подходило катоновское определение *vir bonus dicendi peritus*»⁴⁰. Однако Цицерон не считал речь Цека совершенной. Более того, восхищаясь Слепцом, он позволил себе достаточно резко выразиться по поводу речи Аппия: «Дело в том, что ни от какого более древнего оратора (речь идет о Катоне — Л.К.) не сохранилось речей, заслуживающих упоминания, — ведь навряд ли кому-нибудь еще нравится речь Аппия Цека о Пирре, которую я называл, или некоторые слова умершим» (*Brut.* 16, 61–62). К этому можно добавить риторический вопрос Тацита: «Но сомневаемся ли мы в том, что нашлись и такие, кого Аппий Слепой восхищал больше Катона?» (*Tac. de or.* 18. Пер. с лат. А. С. Бобовича). Ни в коем случае не подвергая сомнению авторитет Цицерона в области римского красноречия и его право давать оценку ораторскому искусству того или иного государственного мужа, позволим себе сказать несколько слов в защиту нашего персонажа. Надо понимать, что она была составлена не профессионалом и произнесена спонтанно, в ситуации, требовавшей быстрейшего вмешательства и спасения Рима. Искусство речи, как таковое, в ту пору еще не существовало и, конечно, требованиям Цицерона оно не соответствует. С другой стороны, не совсем корректно объединять в одном кон-

³⁸ *Leo F.* *Op. cit.* S. 43.

³⁹ Записанные речи при необходимости распространялись в обществе (*Сидорович О. В.* Указ. соч. С. 147).

⁴⁰ *Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П.* Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976. С. 10–11.

тексте речь Аппия Клавдия и *laudatio*. В отношении последних мы вполне согласны с оценкой Цицерона⁴¹, но она не применима к жанру политической речи вообще, и к речи Аппия Клавдия в частности. Нам в большей степени импонирует позиция Сенеки, который также упоминает о речи знаменитого цензора. В значении гиперболы понятно его насмешливое замечание, когда он указывает на то, что многие, пытаясь поразить слушателей своим выступлением, «говорят языком Двенадцати таблиц; для них и Гракх, и Красс, и Курион слишком изысканны и современны и они возвращаются к Аппию и Корунканию» (ер. 114. Пер. с лат. С. А. Ошерова)⁴². Но Сенека перед этим вполне справедливо замечает, что для речи нет строгих правил, на них влияет привычка, господствующая среди граждан, которая «никогда не задерживается на одном» (*Ibid.*)⁴³. Таким образом, Сенека признает за Аппием Клавдием право занять достойное место в ряду известных римских ораторов.

Свою знаменитую речь Аппий Клавдий произнес в сенате в 279 г. Ф. Мюнцер считает, что Плутарх достаточно верно воспроизводит начальные слова и ход мыслей Аппия Клавдия и, несомненно, почти не отходит от оригинала поэтического описания Энния⁴⁴.

⁴¹ Цицерон считает, что из-за них римская история полна ошибок (*Brut.* 16, 62).

⁴² Для сравнения приведем также еще одно едкое (по отношению к римлянам, пытающимся блеснуть красноречием) замечание Тацита, где вновь фигурирует Аппий Клавдий: «И даже Азиний, хотя и родился уже не в столь отдаленное от нас время, кажется мне трудившимся в пору Менения и Аппия» (*Tac. De or.* 21. Пер. с лат. А. С. Бобовича).

⁴³ По этому поводу заметим, что красноречие самого Цицерона, по словам того же Тацита, претерпело изменения. Он указывает на то, что «прежние его речи не свободны от пороков глубокой древности» (*De or.* 22).

⁴⁴ В изложении Плутарха эта речь звучит так: «До сих пор, римляне, я никак не мог примириться с потерей зрения, но теперь, слыша ваши совещания и решения, которые обращают в ничто славу римлян, я жалею, что слеп, а не глух. Где же те слова, которые вы всем и повсюду твердите и повторяете, слова о том, что если бы пришел в Италию великий Александр и встретился бы с нами, когда мы были юны, или с нашими отцами, которые были тогда в расцвете сил, то не прославляли бы теперь его непобедимость, но своим бегством или гибелью он возвысил бы славу римлян? Вы доказали, что все это было пустой болтовней, пустым бахвальством! Вы боитесь молоссов и хаонов, которые всегда были добычей македонян, вы трепещете перед Пирром, который всегда, как слуга, следовал за каким-нибудь из телохранителей Александра, а теперь бродит по Италии не с тем, чтобы помочь здешним грекам, а чтобы убежать от своих тамошних врагов. И он обещает доставить нам первенство среди италийцев с тем войском, что не могло удержать для него самого и малую часть Македонии! Но

Если даже этой речи не хватает продуманности, стройности и логики, она все равно достигла своей цели. Аппию удалось внушить сенату мысль о необходимости продолжения войны, которая, в конечном счете, закончилась победой римского оружия. Таким образом, в сложившейся ситуации эта «несовершенная» речь Аппия Клавдия принесла практическую пользу римскому государству и этим, прежде всего, определяется ее значение. Вместе с тем она способствовала развитию ораторской прозы в Риме. Этот литературный жанр был наиболее достойным римского аристократа. Пример Аппия Клавдия наглядно демонстрирует, как римский сенатор обосновывает свою позицию в речи. Сенатские прения способствовали развитию красноречия. Длительное время ораторское искусство развивал только индивидуальный талант и опыт говорящего, и заслуга Аппия Клавдия, таким образом, определяется еще и тем, что он стоит в начале этого пути.

Таким образом, анализ творческой деятельности Аппия Клавдия Цека позволяет расширить наше представление о нем, как о человеке несомненно талантливом и самых разносторонних интересов, стоявшем у истоков римской культуры.

не думайте, что, только вступив с ним в дружбу, вы от него избавитесь, нет, вы только откроете дорогу тем, кто будет презирать нас в уверенности, что любому нетрудно нас покорить, раз уж Пирр ушел, не поплатившись за свою дерзость, и даже унес награду, сделав римлян посмешищем для тарентинцев и самнитов» (Рурh. 19. Пер. с греч. С. Ошерова). Цицерон приводит начало речи в том виде, в котором она звучит в «Анналах» Энноя:

Quo vobis mentes, rectae quae stare solebant

Antehac, dementes sese flexere viai? —

Где же ваши умы, что шли путями прямыми

В годы былые, куда, обезумев, они уклонились?

(Cic. Cat. Mai. 16. Пер. С. О. Горенштейна).